

Воспоминания об Академии

(1910–1915)

Окончание. Начало в № 2 (5), 3 (6) за 1997 и 1(7), 2(8) за 1998 г.

1914–1915 УЧЕБНЫЙ ГОД

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ В АКАДЕМИИ

Новый учебный год и начался, и “прошумел”, пожалуй, быстрее, чем какой-либо из предыдущих. Прошумел бесшумно. Выросли только мы сами. Студентов по-прежнему будили от сна в спальнях, после чего они шли в церковь. Над Русской землей нависла германская угроза, первая империалистическая война. Война поглотила добрую часть внимания нашей администрации и отвлекла пристальный взгляд отца Илариона от нашего поведения. Да и мы сами менее обращали внимание на мелкие придирки и замечания субинспекции. Мы готовили кандидатские работы. Степень кандидата богословия — это наш хлеб, отправная точка, от которой мы начинали свое жизненное поприще. Напишешь работу или не напишешь — от этого, может быть, зависело твое бу-

дущее. А потом, “если взять рассуждение”, то одним-то годом не исправишь содеянного в прошлом, а потому... каждый подчинялся установленным порядкам, занимаясь своим делом, предоставив все прочее течению времени.

В этом году жили мы в “Сионе”, в номере 23, что в инспекторском корпусе, на втором этаже, угловое помещение к библиотечному корпусу. Первая комната была отведена под спальни, вторая — под жилье. Спальня рядом с жильем — это нас очень устраивало во всех отношениях. Мы изолировались от всевидящего ока субинспекции, могли и занятия, и отдых распределить по своему усмотрению. Дело в том, что субинспекция жила в аудиторном корпусе; чтобы навещать нас, нужно было переходить улицу... и субы просто забывали о нас. К тому же у инспекции не было принято ходить по номерам без нужды, если не произошло чего-либо из ряда вон выходящего.

В Академию я приехал 17 сентября. Грустные мысли занимали меня и во время путешествия по железной дороге, и в первые дни жития в Академии. Последний год... За окном осень. Деревья оголились, стоят осиротелые и бесприютные. Грустные и длинные коридоры, серые стены. Жаль и аудиторий, в которых мы бывали не частыми гостями, и библиотеки, и груд книг на наших столах, и всего, с чем мы сжились, сроднились... Жалко, пожалуй, расставаться и с отцом Иларионом, и с субинспекцией, сжились мы и с их опекой... Пройдет шесть-семь месяцев, и мы навсегда распрощаемся с беспечностью студенческого благополучия. Академия выпустит нас на российские просторы, и — мы в ней как бы никогда не бывали. Останутся только воспоминания, которыми сможем поделиться на склоне своих лет и при случайных товарищеских встречах.

16 октября. Разбираясь в горах книг, притащенных из библиотеки, С.И. Покровский громко покашливает. К чтению еще не приступал, просматривает оглавления.

“Эх, снова бы за семестрячки”, — вздыхает С. И., — страшно приниматься. Снова бы на первый курс, куда легко было бы”.

Куханов целыми днями и ночами читает, делает выписки и мало смеется... Зарылся в книги, сосредоточен.

Георгиевский недоволен темой и ворчит себе под нос. Книг натащил много, но первичный обзор литературы его мало удовлетворяет.

“Братья Лихуды” — однофамильцы Николай и Григорий Никольские — молча копаются в ученых фолиантах, изредка откликаясь на шутки товарищей.

Алешка Соловьев острит над моим ящиком, весом в два пуда, с книгами, собранными мною во время моих поездок в Калязин, Углич, Тверь, по селам и весям, прилегающим к этим городам, где я собирал материал для своей работы. Нас теперь волновал и беспокоил вопрос аттестации, каковая будет дана нам по окончании Академии в Училищный совет при Святейшем Синоде. За время нашего пребывания в Академии у инспекции было уже составлено мнение, и изменить его едва ли что могло.

РАБОТА НАД КАНДИДАТСКИМ СОЧИНЕНИЕМ

Порядок выбора профессора, которому я (и каждый из нас) должен писать ученую работу, был следующим. Еще на III курсе, в конце года, студенты “разыгрывали” профессоров, как в лотерею, договаривались со своим, доставшимся в “лотерею” патроном, получали тему для работы и тогда дня понемногу начинали подбирать материал, знакомиться с темой. Таким образом, первые шаги к получению первой ученой степени кандидата богословия студент делал, будучи еще на III курсе. Порядок “лотереи” оправдался тем, что если бы был установлен свободный

выбор патрона, то многие и многие профессора рисковали бы остаться без патронируемых, а небольшая группа профессоров была бы завалена работами и не смогла бы их рецензировать к устанавливаемому сроку. С другой стороны, профессора рецензировали кандидатские работы в качестве оппонентов по назначению Правления совета Академии. Это тоже — плюс 3-4 кандидатских работы на каждого профессора. Все это сводило бы рецензирование к формальным отпискам, что не всякие работы позволяли делать, и не всякий профессор пошел бы на эту сделку. Поэтому пусть будет лотерея. Недоволен лотереей — свободы выбора ты не лишился и мог идти и договариваться с любым из профессоров Академии и писать ему свою работу.

Так вышло и со мной. По лотерею мне достался профессор по кафедре педагогики А.П. Шостьин. Педагогика у Александра Павловича я слушал на I курсе, и, казалось бы, можно было принять работу. Начались поиски темы. Пирогов и Толстой меня интересовали, но не нравились они Александру Павловичу. Он мне предложил изложение каких-то педагогических систем XVIII — начала XIX века, что именно — теперь и не припомню. Я настаивал на своих темах. Толстого Александр Павлович отверг совершенно, а относительно Пирогова заявил, что мне придется ехать в Одесский учебный округ и там добывать материал. Это затруднит мою работу и т.д. Словом, с Александром Павловичем я разошелся. Нужно было искать себе другого патрона.

После недолгих колебаний я отправился к ректору и просил его принять меня под свое покровительство или рекомендовать мне патрона. Пришлось рассказать, конечно, почему и как я разошелся с Александром Павловичем. Ректор спрашивает меня:

— Есть ли у Вас тема для работы?

— Есть, — говорю. — Биография Макария Калязинского, чудотворца, покровителя соседнего с моей родиной города.

— Комплект у меня уже набран, — говорит ректор, — ну, да Бог с Вами, пишите. Список студентов я сдал в канцелярию. Зайдите туда и скажите, чтобы вписали в него и Вас.

Принял епископское благословение и начал так же, как и все, не торопясь, знакомиться с эпохой, в которую жил преподобный, а эпохой его был XV век.

11 июля 1914 года я приехал в Калязинский Макарьев монастырь. Остановился в монастырской гостинице. Сделал визит к настоятелю монастыря. Монахи встретили меня приветливо. Отвели мне номер в монастырской гостинице, с самоваром утром и вечером. К чаю мне присылали белый хлеб и молоко. Столоваться предложили в общей монастырской трапезной. Щи, суп и гречневая каша.

Когда я пришел к наместнику, последний варил варенье. Наместник поставил самоварчик и устроил чаепитие со своим вареньем. Казначей монастыря, он

* Семестровые сочинения — *Прим. Ред.*

же эконо́м, отец Амфилохий, карел, угрюмый и замкнутый мужичок и в то же время чрезвычайно ласковый и добрый, угостил меня горохом с осетриной. “Сегодня, — говорит, — привезли в монастырь рыбу, делаем годовой запас, попробуем немножко”. И покушали, да как следует, и осетринки, и гороха, или горохового супа. У отца Амфилохия я бывал почти каждый день, после вечерни. Пили с ним чай, я рассказывал ему о жизни в Академии, он — о жизни монастырской. Старик всю свою жизнь прожил в Калязинском монастыре, имел большой природный ум и жизненный опыт и был мне очень и очень полезен своими рассказами и советами. Он делал для меня фотографические снимки, печатая их по мере своих сил и способностей, толковал их и разъяснял. Добрый и хороший старик!

Третье лицо, с которым мне пришлось сталкиваться, — ризничий и библиотекарь, отец Макарий. Это совершенно темный человек. Он умел только подписывать свою фамилию, но доброты он был неизреченной. Предо мной раскрывал все двери и все шкафы своего небогатого библиотечного хозяйства. Отец Макарий каждый день заходил ко мне в гостиницу утром, и мы ходили с ним купаться на Волгу, а оттуда шли ко мне в номер, где смотритель гостиницы приготавливал нам самоварчик, белый хлеб или что было у него на сей день.

Через два дня в гостиницу пришел городской и потребовал документы для прописки. Возвращая мои документы на другой день, городской сообщил, что господин надзиратель хочет знать, по собственному почину я работаю в монастыре или по назначению. Городовому я ответил: “Передай господину надзирателю, что это не его дело”. На этом и закончилось мое официальное знакомство с блюстителями порядка.

Монастырские архивы дали мне невеликий материал. Но все же из монастыря я поехал, нагрузившись фотоснимками и описями, которых я не смог бы получить в другом месте. Работал я с большим удовольствием. Но тут приключилась война с Германией, и мне пришлось прервать свои занятия и поехать в Кашин. В Кашине явился к воинскому начальнику и был записан в ополчение, где я служил, то есть ходил на круглое поле, что за Сретенским монастырем, где сейчас построена льнообделочная фабрика, ел мясные щи и гречневую кашу с бараньим салом. Купил себе русские сапоги, мама дала деревянную ложку, которую я гордо носил за голенищем.

На круглом поле нас, причастных к духовному ведомству, собралась группа человек 10–15. Все мы держались вместе, вместе ходили купаться на речку, обедать и ужинать, вместе лежали на лугу, ожидая распоряжений. Обедать ходили по команде и “в строю” (ну какой там строй, когда подавляющее большинство ополченцев и ружья-то никогда не держало в руках).

2 августа. Нас, учащихся, освободили от военной подготовки, и мы возвратились к своим прерванным занятиям. 3 августа выехал в Тверь стирать архивную пыль в древлехранилищах губернского города. Из Твери, где пробыл дней десять, я вернулся в Калязинский монастырь, искал материал в самом городе Калязине, по селам, с названиями которых приходилось сталкиваться в материалах, был в селе на родине преподобного Макария, побывал в Угличе, в Паисиевском монастыре и т. д.

15 сентября я выехал из Кашина в Сергиев Посад, отягощенный печатным и рукописным материалом. В Академии первый месяц так же прошел в собирании и изучении материала, относящегося главным образом к эпохе, в которую жил преподобный Макарий, в поездках в московские архивы, в работе в лаврской библиотеке, и было не до лекций и не до хождения в церковь. В номере нас жило 8 человек. Одни работали днем, другие любили возиться с книгами по ночам. У каждого свои замашки и склонности, но, чтобы работа шла более успешно, я снял в Посаде комнату и там начал обработку собранного материала. Однако исчезновение мое из Академии было, конечно, замечено, и примерно через месяц-полтора я должен был перебраться в свой “Сион”.

Работу свою я закончил и подал, хотя и с некоторым опозданием. Что же получилось? А получилось именно то, о чем ректор и написал в своем отзыве: “Материал собран огромный, но не обработан”. И вот за этот-то добросовестно собранный материал, хотя и плохо обработанный, я и получил звание кандидата богословских наук.

ПРОФЕССОРА

Из профессоров на IV курсе следует отметить прежде всего М. М. Тареева, который преподавал нравственное богословие, ректора епископа Феодора, который читал нам аскетику, В.П. Виноградова, преподававшего пастырское богословие.

М.М. Тареев. Невысокого роста, уверенный в себе и в том, что он передает студентам на своих лекциях, производил впечатление стойкого и мужественного борца за свои религиозно-нравственные убеждения. Тареев, вопреки космологии В. Соловьева и антропологии Несмелова, выдвинул свой метод — метод опытного богопознания. Он не оправдывает христианства, а дает его философию. Дает метод понимания учения Христа, указывает, как проникнуть в сущность христианства. Много М.М. потерпел за свои убеждения и от официальных рецензентов, и от инакомыслящих, доставалось ему и от администрации церковной. Несмотря на все невзгоды и неприятности М.М. Тареев остался верен себе и твердо на лекциях и в печати проводил принципы своего понимания Евангелия, свое “нравственное учение о христианстве”, как он называл нравственное богословие — свой предмет преподавания в Академии, который он изложил в

пяти томах исследования Евангелия, под общим заголовком: "Основы христианства", а апологию "Основ" — в книжке "Философия жизни".

Епископ Феодор читал нам аскетику, знакомил нас с идеалами аскетизма в Православной Церкви и ее богословии. Читал он неплохо. Слушали его с удовольствием, приемля и не приемля его обоснования современного монашеского института. С точки зрения богословия, епископу Феодору нельзя было отказать в учености.

Виноградов В.П. читал нам пастырское богословие, то есть науку о том, что должен представлять из себя пастырь Церкви, священник, каков его идеальный образ и т. д. Виноградова мы звали "маленький Тареев". Его философствование во многом было сходно с философией Тареева. И вот тут-то и получалась некоторая передержка. Тареев толковал о монашестве, епископ Феодор читал нам целый курс аскетики, не мог обойти молчанием иночество и Василий Петрович. Все они говорили об аскетизме, и все трое толковали по-разному.

Тареев вообще отрицал монашество как таковое, говорил о нем как о вредном явлении в христианской жизни. Ректор монашество провозглашал идеалом, а Василий Петрович признавал аскетизм как таковой, признавал его как простое воздержание, как духовную радость, умеренность, жизнь по-Божьему. Иными словами, Василий Петрович допускал аскетизм монашеский, но как исключение для тех, кто "может вместить — да вместит", и настаивал на аскетизме христианском как умеренности, нормальном восприятии мира и всего мирского.

Василий Петрович Виноградов был далеко не в фаворе у академического начальства и слыл свободомыслящим.

Прочие профессора не выделялись в нашей ученой корпорации, и мне нечем помянуть их в своих воспоминаниях.

ЭКЗАМЕНЫ

Учебный год закончили мы в половине марта месяца, к пасхальным каникулам. На I курсе экзамены начались 10 апреля.

IV курс, занятый своими кандидатскими работами, начинает экзаменоваться в мае:

- 12 мая — Сектантство
- 16 мая — Церковное право
- 21 мая — Нравственное богословие
- 26 мая — Священное Писание Нового Завета
- 29 мая — Пастырское богословие
- 1 июня — Аскетика.

Последний месяц (апрель) самой напряженной работы. К маю кандидатская работа должна быть закончена и сдана, а экзамены были не так уж страшны. Над кандидатской работой просиживали ночи, спать ложились на рассвете, а утром, как полагается, спали. Инспекция оставила нас в покое.

28 апреля я закончил свою работу и выехал в Москву, чтобы сдать ее в печать — на машинку. Труд вышел объемом в 258 страниц. За перепечатку заплатил 8 рублей. Затем надо было ее отдать в переплет. 12 мая кандидатскую работу подал инспектору. "Давай, давай. Поздравляю!" — приветствовал меня отец Иларион. 258 страниц сырого материала. Эх, еще бы один месяц, и эти двести с половиной страниц можно было бы уложить в 100–150 страниц. Времени не хватило, а голова не сумела переварить все, что было прочитано и просмотрено. Перелистано было 40 рукописей российских книгохранилищ и около 200 наименований книг, так или иначе имеющих отношение к теме.

Экзамены шли своим обычным порядком. Готовились, читали, "подковывали" программы и выходили к экзаменационному столу иногда с улыбочкой, а иногда с угрызениями совести.

Экзаменационная сессия может быть отмечена двумя небольшими эпизодами, если можно их так назвать. Первый — профессор Тареев из своего курса выпустил опусы об аскетизме, чтобы кое-кого не раздражать, а второй — маленький инцидент на экзамене по Священному Писанию у профессора, священника отца Владимира Страхова. На экзамен я вышел, прочитав не больше половины программы. Ну и естественно, вытащив 47 билет, принужден был бросить его обратно на экзаменационный стол и взять другой билет. Страхов обратил внимание на жонглирование с билетами и спрашивает:

— Сколько еще билетов не знаете?

— Еще не знаю два билета, — я имел в виду 48 и 49, последние билеты в программе.

— Говорите правду, — говорит Страхов. Буду спрашивать по всей программе.

Но это предупреждение было не страшно. Важно было, что второй билет, взятый мною, был читанный, и поэтому спокойно отвечаю: "Прочие билеты все знаю." И вопрос, казалось бы, был исчерпан, но... к столу за мной выходит С.И. Покровский (с ним мы жили в одном номере) — приятель. Вытащил билет, справился в программе, о чем ему придется держать ответ, а затем делает ехидную физиономию, нагибается ко мне и лукаво вполголоса спрашивает: "Ну как, товарищ, дела?" Нескрываемые улыбки пробежали по лицам экзаменационной комиссии. Страхов же не утерпел и вслух сказал: "Ну вот, товарищ товарищу медвежью услугу оказывает!" Ясно было, что к столу я вышел с нечитанной программой. Все же Страхов добросовестно вытянул из меня все содержание билета и, не тревожа меня по всей программе, отпустил с миром, поставив мне за храбрость 3 с плюсом.

По сектантству на экзамене я имел 4 с минусом, по церковному праву — 4, по нравственному богословию — 5 с минусом.